

Похождение одинокой женщины

Андрей Ланиус

18+

Хроники недавнего времени

Андрей Ланиус

Похождение одинокой женщины

«Автор»

2015

Ланиус А.

Похождение одинокой женщины / А. Ланиус — «Автор»,
2015 — (Хроники недавнего времени)

Одинокaя женщина доверяет людям, сама никого никогда не предавала. Но кто-то начинает преследовать ее, кажется, в это вовлечен даже очень влиятельный человек. А может, просто маньяк? Но откуда ему известны такие подробности из ее жизни, о которых она никому не рассказывает. Ну, почти никому.

Содержание

Глава	5
Шурёнышшшш!	6
Проводница	7
Отважная любовница и перепуганный любовник	8
Женские секреты	11
Тайны важного мужа	12
Волнения перепуганного любовника	15
Продолжение волнений	17
Страхи	19
Размышления одинокой женщины	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Похождение одинокой женщины

Глава

Шурёнышшшш!

Кухонный топорик возник из клубящейся тьмы. Небольшой, но массивный, с отполированной металлической поверхностью, с вычурным, хорошо заточенным лезвием-полумесяцем и короткой кривой рукояткой, он летел прямо на нее.

Летел странно, как в замедленной киносъемке, грозно кувыркаясь и петляя, и Шура чувствовала, что ей ни уклониться, ни убежать от этого жуткого орудия несправедной мести.

Но еще ужаснее ее жалило злобное шипение, доносившееся оттуда же, из тьмы: «Ш-шалиш-ш-шь, Ш-шурёныш-ш-ш»...

Шура потрянула головой, и прилипчивое наваждение, изводившее ее в последние дни, рассеялось в единый миг.

Проводница

Она по-прежнему сидела в плетеном кресле, за накрытым для легкой трапезы столом, в лоджии богатой квартиры своей лучшей подруги Томилы, дожидаясь минуты, когда придется в очередной раз исполнить свою необременительную миссию.

Застекленная лоджия своими размерами могла бы соперничать с иным залом.

Плотные шторы, сомкнутые с особым тщанием, защищали ее от неистовых солнечных лучей, но, впрочем, не только от них.

Лоджия была обставлена с изысканной функциональностью, как и все другие помещения этого элитного жилища.

В дальнем конце имелся даже спортивный уголок с тренажерами, на которых глава семейства Трифон Христофорович в редкие свободные минуты пытался сбросить лишний жирок.

В ближнем от Шуры углу, сбоку от дверного проема, ведущего в кухню, прямо перед глазами гостя, высился холодильник непривычной треугольной формы, а рядом, на торцевой стене, красовалась коллекционная кухонная утварь, среди которой выделялся бразильский топорик для разделки мяса.

Над коллекцией висел выполненный под старину большой гобелен, изображавший сцену королевской охоты на оленя, уже раненого стрелой.

Так вот в чем дело, выговорила себе Шура, машинально прикоснувшись к широкому розоватому шраму на левом плече, шраму, скрытому лямкой летнего платья.

Она засмотрелась на топорик и на охотников, преисполненных азарта погони, готовых добить загнанную жертву, и потому ей снова привиделось *это!*

Надо было сесть *туда* спиной, вот и всё решение проблемы!

Досадуя, она поднялась и устроилась в другом таком же легком кресле у противоположной стороны стола.

Придвинула к себе свой столовый прибор.

«А сердчишко-то всё прыгает, как зайчик! Ладно, хватит об *этом!* Не сахарная, не растаешь»...

Она налила себе красного вина и вдруг опрокинула бокал.

Схватила салфетки и принялась торопливо промокать лужицу, злясь на себя, что пальцы все равно дрожат.

Вот все знакомые твердят, что время лечит, стирает страшные воспоминания, а с ней почему-то происходит наоборот: тот кошмар рисуется в воображении всё ярче. Может, это оттого, что она не сопротивляется наплыву тревожных видений, сама вызывает их невольно из потаенных глубин памяти? Да еще в такие минуты, когда все идет хорошо, когда надо просто радоваться жизни...

«Закрой глаза, досчитай до десяти и успокойся! – уже решительнее приказала она себе. – Сегодня ты у Томилы, подруга. А такие дни для тебя всегда были праздником!»

Отважная любовница и перепуганный любовник

В глубине квартиры коротко хлопнула дверь, послышались быстрые легкие шаги, приглушаемые ворсистой дорожкой, и вот в лоджию вышла Томила в простыне, повязанной на голое тело выше груди и подчеркивавшей линию ее красивых плеч, на которые ниспадали вьющиеся локоны густых рыжеватых волос.

Простыня свисала до полу; зная, что ее ноги, в отличие от торса, не отличаются безупречными формами, Томила даже в домашней обстановке предпочитала облачаться в длинные одеяния, оригинально сочетавшиеся с ее вызывающими декольте.

Что ж, настоящая, избранная женщина, а Томила, по мнению Шуры, была именно из этой породы,

умеет пикантно оттенить даже собственные недостатки...

– Ах, как хочется курить! – хозяйка квартиры выхватила из лежавшей на столе пачки сигарету и щелкнула зажигалкой, затем, выпустив струйку дыма, опустилась в кресло, заученным движением поправив прическу.

Края простыни при этом разошлись, обнажив полоску ее налитых полушарий, в ложбинке между которыми матово поблескивал золотой кулон.

Томила, надо полагать, ощущала, что ее «тога» держится на честном слове, но даже не попыталась поправить узел, ничуть не стесняясь присутствия своей верной подруги, которая смотрела на нее восхищенными глазами.

– Как хорошо! – выдохнула Томила, наблюдая за облачком дыма, и Шура вдруг поняла, что ее давнюю приятельницу тоже донимает какая-то тайная тревога.

Никогда еще после любовного свидания Томила не выглядела такой озабоченной.

В коридоре снова послышались шаги, на сей раз тяжелые и размеренные, и в лоджию вышел герой-любовник Шумайлов в домашнем халате, купленном специально для него, но как бы в подарок для Трифона Христофоровича.

– Ну-с! – он подошел к столу и налил всем вина. – За прекрасных дам и благородных кавалеров!

Выпив, отставил бокал и обвел рассеянным взглядом сплошную завесу штор.

– Какое нынче лето выдалось! – покачал головой. – Подумать только, в наших северных широтах солнце печет, как в какой-нибудь Экваториальной Африке! Сейчас бы развалиться вон на том диванчике, да позагорать! Слушай, Том, а может, старую ведьму сморил сон? Или же у нее сейчас сиеста?

– Даже не надейся, котик! – певучим контральто отозвалась та. – Баба Катя всегда на посту, всегда бдит, изучая из-за своей занавески доступные ей окна, притом, вооруженным глазом!

– Ты имеешь в виду ее пенсне?

– Не пенсне и не очки, а настоящий морской бинокль!

– Откуда у малоимущей пенсионерки ценная оптика? – продолжал расспрашивать Шумайлов, с присущей ему странной настойчивостью.

Томила пригубила вино, затем поправила все же узел на груди, пристроив сигарету в выемке пепельницы, снова выпустила струйку дыма и только после этого пустилась в пояснения:

– Лет пять или шесть назад наш двор еще не охраняли, и войти в него с улицы мог кто угодно, любой уголовник. Однажды в дальнем углу, там, где глухая стена, появилась будка сапожника. Ну, в ту пору это было в порядке вещей. Уже позднее открылось, что хозяйничал в ней никакой не сапожник, а бандитский лазутчик. Целый месяц он тайно наблюдал из своего скворечника за нашим крылом, зная, что здесь живут приличные, состоятельные люди. Зада-

ние, которое ему поручила его шайка, в том и состояло, чтобы в точности выяснить, какие из квартир пустуют в дневное время. Но, на свою беду, наблюдатель понятия не имел о существовании бабы Кати.

– Мораль: на всякого наблюдателя может найтись своя наблюдательница – беспокойная старушка со стажем! – не удержался от реплики Шумайлов.

– Слушай дальше. Бинокля у нее тогда еще не было, но она все видела отлично и через свои надтреснутые очки. И вот, когда воры приступили к делу, а собирались они обчистить три квартиры сразу, то баба Катя спокойно позвонила по 02, и всю шайку взяли с поличным.

– Ого, да она – героическая бабка!

– Все жильцы спасенных ею квартир сделали ей подарки. Хозяином одной из них был старенький адмирал, он недавно умер. Вот он-то и подарил ей настоящий морской бинокль!

– Потрясающая история! – ухмыльнулся Шумайлов – Из моих очей вот-вот брызнут слезы!

– Именно тогда жильцы, я имею в виду, естественно, только наше крыло, решили организовать круглосуточную охрану всего двора. А еще установить видеорекамеры и прочую сигнализацию.

– Теперь никакой сапожник к вам и на танке не подъедет! – продолжал иронизировать Шумайлов. – Но что же баба Катя? Как я понимаю, она переквалифицировалась, и наблюдает сейчас за неверными женами?

– Котик! Фи! «Неверные жены» – ну, что за жаргон!

– Ох, извини! Я хотел сказать: за женами, склонными к поиску эротических приключений.

– Почему только – женами? – рассмеялась Томила. – Разве некоторые мужья не склонны к такому же поиску?

– Намек понял! – кивнул Шумайлов. – Значит, она наблюдает и за теми, и за другими?

– Все, чьи окна выходят во двор, помнят о бабе Кате и держат свои шторы плотно закрытыми, если, конечно, на то есть причина.

– Вот выйду во двор, специально пересчитаю, сколько лоджий плотно задернуты шторами, ха-ха! – Он сощурился: – Но задернутые шторы, с точки зрения бабы Кати, тоже улика, пускай и косвенная, ведь так?

– А не пойман – не вор!

– Между прочим, я где-то читал, что существуют бинокли, которые видят сквозь стену. Про шторы я уж промолчу. А что, если у вашей бабы Кати именно такой? Притом, что ее окна находятся как раз напротив твоей лоджии, мое сокровище.

– А что, если баба Катя – это никакая не старушка, а человекоподобный робот, созданный в секретном институте в рамках программы по укреплению семьи и нравственности?! – в тон ему язвительно заметила Томила. – Вот ты стоишь сейчас перед ней во весь рост, а у нее уже и компромат готов, и твой адресок зафиксирован, и номер мобильного твоей жены-стервы пробит...

На какой-то миг на холемом лице Шумайлова промелькнуло выражение озабоченности.

Он машинально перевел вопрошающий взгляд на Шуру.

– Правда-правда! – пропела та, подыгрывая подруге.

Тут узел на груди Томилы разъехался окончательно, и ниспавшая на подлокотники кресла простыня обнажила ее пышный бюст.

– Вот, зараза! – ничуть не тушуясь, она неторопливо принялась приводить в порядок свою «тогу».

В настроении красавицы произошла вдруг какая-то быстрая и резкая перемена.

– Хватит уже об этом! – отрезала она, адресуя свое раздражение любовнику: – Тошнит от твоих комплексов, котик! Не слышал разве, что чрезмерное волнение ведет к ранней импо-

тенции? А чего тебе волноваться?! У меня, да еще под опекой нашей драгоценной Шурочки, ты в полной безопасности. Здесь никакая баба Катя тебе не страшна. Да и твоя милая мамочка не прорвется сюда даже на пару с твоей чудной женушкой! Этот дом – настоящая крепость, и я здесь комендант! Так что не трусь, милый, пока я с тобой!

– Ну, девчонки, с вами не соскучишься! – Шумайлов налил полный стакан вина, теперь уже одному себе, выпил, не отрываясь, и обратился к Шуре: – Ну, что, проводница? Через четверть часа выходим, готовься! А я пока – в душ, – и, напевая что-то себе под нос, он покинул лоджию.

Женские секреты

Женщины, оставшись вдвоем, какое-то время молчали.

Но вот Томила кивнула подруге:

– Как там у тебя с твоим Варенухиным?

– Уже никак, – пожала плечами Шура.

– Так быстро?! – удивленно вскинула тонко очерченные брови Томила. – Да ведь еще и недели не прошло, как у вас с ним началось!

– Как началось, так и закончилось, – вздохнула Шура. – Я тебе все расскажу, но не сейчас, ладно? Ты уж извини. Не хочу сейчас ворошить, самой стыдно. Как можно было так ошибиться в человеке!

Томила выпустила в сторону от некурящей подруги струйку дыма и сочувственно отозвалась:

– Понимаю, милая... Мужчины – народ обманчивый. Ты влюбляешься в него всем сердцем, а тебя ждет впереди банальное разочарование... – Она покосилась на открытую дверь и проговорила, не понижая голоса: – Вот и мой Шумайлов. С виду Аполлон, по манерам – джентльмен отечественного разлива, в постели – отменный жеребец, а по натуре – безвольный маменькин сынок! Его мамаша – вроде бы крутая акула в гостиничном бизнесе, воспитывала его в ежовых рукавицах, и он до сих пор цепенеет от одного ее имени, хотя ему уже тридцать пять! И супружницы своей боится до смерти, подкаблучник! Солнечные ванны... А сам-то перетрусил, как зайчишка, когда я рассказала пару страшилок про бабу Катю, заметила?! – Она вздохнула: – Нет, боюсь, что с Шумайловым у меня ненадолго. И если только я встречу настоящего мужчину...

– А как же Георгий Эдуардович? – на правах старинной подруги поинтересовалась Шура.

– Ну, что Георгий Эдуардович? – слегка нахмурилась Томила. – Ему только еще через месяц гипс снимут. А там еще реабилитация... Прикажешь хранить верность старому любовнику? Чего ради?! Жить надо легко и красиво, Шурочка! – Тут ее ухоженное лицо прояснилось: – Ладно, подруга! Довольно о мужиках! Они не стоят нашего внимания! А я ведь тебе сюрприз приготовила. Пойдём!

Тайны важного мужа

По широкому коленчатому коридору, устланному ковровой дорожкой, Томила провела подругу в дальний конец квартиры, где размещалась спальня Калановых.

Эта комната, тоже весьма просторная, выходила окнами на другую, теневую сторону дома, в парк, будучи явно недоступной для любителей подсматривать.

Очевидно, по этой причине штор здесь не было вовсе, а имелись только легкие элегантные жалюзи, поднятые сейчас до самого верха.

Естественно, в обстановке доминировала кровать – широкая, с высокими фигурными спинками под антиквариат и резными ножками в виде могучих львиных лап.

Смятая постель носила следы недавней любовной схватки.

Даже высокий торшер, верхняя часть которого напоминала бутон некоего фантастического цветка, был опрокинут на ковер.

На торцевой стене, противоположной изголовью кровати, висел портрет Томилы, написанный, как подчеркивала сама хозяйка, лучшим художником города, известным даже в Европе. Томила называла и фамилию живописца, уверяя, что он не выходит из моды, и что очередь на заказы к нему расписана на несколько лет вперед.

Фамилию художника Шура запомнила, но на портрет подруги всегда смотрела с восхищением.

Томила была изображена по пояс, в ярком малиновом платье, цвет которого так удачно гармонировал с ее рыжеватыми волосами и ниткой жемчуга в них. Платье, специально пошитое для позирования, имело глубокое декольте, открывавшее плечи и едва ли не весь бюст Томилы. Белоснежность кожи прекрасно оттеняли драгоценности – золотое кольцо и бриллиантовые сережки с подвесками.

Но главное, художнику удалось передать не только внешний облик элегантной, далекой от житейских забот женщины, но и ее загадочно-притягательную ауру.

Вся эта красота обрамлялась массивной золоченой рамой под старину.

Правда, в период написания картины Томила была на пять лет моложе, но за это время она мало изменилась.

Да, портрет, безусловно, восхищал, вот только...

– Всё хочу спросить тебя, подружка... – нерешительно произнесла Шура.

– Да? – отозвалась Томила, возвращая торшеру вертикальное положение.

– Тебе не кажется, что твой портрет висит чуточку низковато и вообще, как бы, не на месте? Не хотелось его перевесить?

Томила улыбнулась:

– Он висит именно там, где надо. Просто тут есть один маленький секрет. А может, и не один. Так и быть, раз уж ты спросила, то я тебе сейчас покажу...

Она подошла к стене:

– Вообще-то, портрет этот Триша заказал не мне в подарок, а для себя. Он так и объяснил, что хочет любоваться моим изображением в те редкие минуты, когда он находится дома, а я по какой-то причине отсутствую. Кто бы спорил! Однако надо знать моего драгоценного супруга! Это уникальная личность, поистине человек долга! Даже свой фетиш он готов приспособить к делам службы. Вот, полюбуйся!

Коснувшись рамы, она произвела некую манипуляцию, суть которой ускользнула от внимания Шуры, и портрет вдруг сам по себе повернулся, как обложка книги, обнажив дверцу сейфа, углубленного в боковую стену.

Томила подмигнула подруге с видом заговорщицы:

– Здесь мой Триша хранит свои важные тайны. Как видишь, портрет очень даже на месте!

Шура молитвенно сложила перед собой ладони:

– Ой, и зачем я только спросила?! Вот, дура!

– Не волнуйся, там нет ни денег, ни бриллиантов, только какие-то скучные бумаги. В кожаных папках. Он каждый вечер достает и просматривает их. Иногда вкладывает внутрь свежие листочки, иногда что-то перекладывает в свой портфель. Однажды, уже давно, когда он открывал сейф, я подошла ближе: просто из любопытства. Тут он ка-акзыркнет на меня! Ты же знаешь, Триша у меня ручной. Но в тот момент у него был такой взгляд, что я чуть не описалась на месте, так-то, подружка! А Триша взял меня за руку, крепко так взял, усадил на постель и объяснил, что в сейфе нет ничего привлекательного для женских интересов. Только, мол, служебные бумаги, которые он не рискует оставлять на работе. И еще предупредил, что сейф этот – на особой сигнализации. Если кто-нибудь чужой начнет набирать шифр, то где-то там прозвучит сигнал тревоги, и уже через минуту здесь будут бравые ребята в камуфляже и масках. Окна в спальне, сказал он, тоже с секретом. Если вор попытается выдавить или вырезать стекло, то охрана тоже примчится через минуту. И вообще наша спальня, – она обвела взглядом помещение, – чуть ли не самое защищенное место в городе, вот так-то!

– Боже мой! – взмолилась Шура. – Но если Трифон Христофорович так бережет свои тайны, то зачем ты всем об этом рассказываешь?!

Томила гневно нахмурилась:

– Ну-ка, взгляни на меня, подружка!

– Чего ты, Тома?

– Нет, ты взгляни! Я что, похожа на базарную тетку, страдающую недержанием речи?! Ты знаешь меня столько лет, еще с той поры, когда я считала копейки до зарплаты. Я когда-нибудь говорила лишнее? Молола языком всякий вздор?! Даже обидно слышать такие наставления от лучшей подружки!

– Извини меня, Тома! Я совсем не это имела в виду.

– Шурка, я же – только тебе! Потому что ты – могила! Разве не так?

– Да, я – «могила», но всё равно не хочу знать о таких вещах!

– А если у меня появилась потребность поделиться с лучшей подружкой домашними секретами?

– Шумайлову, как я понимаю, ты этот секрет не показала?

– Ни Шумайлову, ни даже Георгию Эдуардовичу! Никому, кроме тебя!

– И мне тоже не надо было об этом говорить! – упрямо повторила Шура.

Томила пожала плечами:

– Ладно, что сделано, то сделано. А вообще-то, я тебя не для этого позвала...

Она прошла к высокому шкафу-купе, занимавшему часть той стены, что разграничивала комнату с коридором.

– Шурочка, раздевайся!

– Что такое, Тома?

Хозяйка, между тем, катнула дверцу, взяла со средней полки некий пакет и повернулась к Шуре:

– Ездил недавно со своим Тришей за покупками, смотрю: кремовая юбка! Ну, думаю, это же нарочно на Шурочку сшито! Взяла. А теперь хочу убедиться, что не ошиблась. Ну-ка, примерь! Только выйди на открытое место, чтобы я видела.

– Тома, ты уж слишком... – Шура опасливо покосилась на дверь, но все же подчинилась настойчивым требованиям подружки.

– Ты все еще носишь простое белье? – констатировала Томила. – Ладно, теперь я знаю, чем порадовать тебя в следующий раз. Ну, надевай же скорее! Вот так... – Она сощурилась, на лбу пролегли складки. – Нет, замечательно! Прелесть, что за юбка! А глаз у меня верный!

Шура повертелась перед зеркалом.

Юбка и впрямь была чудесной.

– Сколько я тебе должна, Томила? Если дорого, то я не смогу.

– Ничего ты не должна! Это подарок.

– Нет-нет, я не могу принять!

– Ой, перестань! Может, мне приятно делать тебе подарки! Знаешь, ты уж не переодевайся. Так в ней и иди. И вот что еще: возьми там себе на кухне фруктов, сколько хочешь.

– А это и вовсе ни к чему. Мальчики сейчас у мамы в деревне, а у меня еще с прошлого раза осталось.

– Не возникай, Шурка! Ладно, я тебе сама заверну, скромница ты моя. Запечатлей в подсознании: мой Триша их не покупает. Ему привозят. Так что пользуйся и не комплексуй.

– Ну, спасибо тебе, милая!

– Ой, да все это мелочи быта! – отмахнулась Томила, поглощенная какой-то неотвязной мыслью. Наконец, сделав над собой усилие, она сказала: – Надо бы нам с тобой встретиться, подруга, на нейтральной территории, и кое-что серьезно обсудить.

– Что-то случилось, да, Тома?

– Пока не знаю, но мне кажется, мой Триша готовит какую-то ловушку.

– Ох!

– Вот только не надо вздыхать, как на похоронах! Триша – не мальчик, он давно уж догадывается о моих романах, но смотрит на это сквозь пальцы. Так уж я себя поставила с самого начала. Я сумела приручить этого дикого вепря и выдрессировать его. Я знаю, что ради меня он готов расшибиться в лепешку! И всё же есть в его душе особая зона, куда он не допустил меня ни разу. И не допустит никогда. Долгое время я тоже смотрела на это сквозь пальцы. Но что-то изменилось в последние дни, Шура. Что-то темное и тяжелое стронулось с места. Я уже несколько раз ловила на себе его какой-то странный, изучающий взгляд. Сначала это было вроде случайно, а затем я специально садилась так, чтобы видеть его отражение в зеркале. Он смотрел на меня, ну, не знаю даже, вроде как с угрозой. У него определенно что-то есть на уме, но что?! И, ты знаешь, я начинаю его бояться. Ведь дрессированные хищники иногда нападают на своего укротителя, да? Однако сама понимаешь, Шурка, это не пятиминутный разговор. Так что, быть может, я навещу тебя завтра в офисе? Уединимся в какой-нибудь кафешке, там и потолкуем спокойно.

Шура внезапно решила:

– Приходи, Тома! Я тебе тоже хочу рассказать кое-что странное.

– Тук-тук! – в дверном проеме обрисовалась статная фигура Шумайлова в летнем светлом костюме, модной цветастой рубашке, плетеных коричневых туфлях из тонкой кожи.

Весь его облик как бы кричал: перед вами мужчина в полном соку, умеющий брать от жизни и не упускающий ни единой приятной возможности!

– Ну, что, Шура-проводница? – кивнул он. – Пора в путь-дорогу?

Волнения перепуганного любовника

Выйдя из подъезда, Шумайлов действительно остановился и обвел взглядом элитное крыло дома, будто в попытке пересчитать зашторенные лоджии и окна.

– Нет! – покачал головой. – Эти солнечные блики, играющие на стеклах, так слепят глаза, что ничего рассмотреть невозможно. Даже имея морской бинокль! Полагаю, старая ведьма осталась сегодня без очередной порции впечатлений. Как считаешь, а, Шурка?

– Я уже говорила вам, что баба Катя, по моему мнению, никакая не ведьма, – сдержанно отозвалась Шура. – Просто она больная, одинокая, несчастная женщина. У нее нет своей интересной жизни, вот она и наблюдает за другими людьми. Я считаю, что подглядывать – некрасиво, но ведь и ее можно понять.

– А-а, так ты из породы сочувствующих! – съязвил Шумайлов и огляделся.

Двор представлял собой почти полностью заасфальтированный, замкнутый со всех сторон стенами разноэтажной застройки прямоугольник, в пределах которого не росло ни единого дерева. Лишь вдоль элитных подъездов зеленели разбитые недавно газоны.

Семиэтажный парадный угол, выходящий двумя своими крыльями на оживленный городской проспект и примыкавший к нему парк, даже со своей тыльной, «дворовой», стороны смотрелся весьма респектабельно.

Напротив главного парадного крыла тянулась невзрачная, с облупившейся штукатуркой, пятиэтажка, невесть когда и по какой причине втесавшаяся в этот оазис благополучия.

Даже по внешнему виду ее окон и занавесок нетрудно было заключить, что в этом строении обитают люди малоимущие, неудачливые, смирившиеся со своей участью.

Именно здесь, в среднем подъезде, на третьем этаже проживала пресловутая баба Катя.

Четвертую сторону каре образовывала высокая глухая стена, под которой располагался въезд в подземный паркинг.

В обоих парадных крыльях имелись высокие арки, обрамленные в нижней части каменными плитами с рваной поверхностью.

Со стороны двора въезд под арки перегораживали короткие красно-белые шлагбаумы, а въезд – кованые металлические ворота, с калитками в них.

Возле каждой из арок дежурил добрый молодец в камуфляже, вооруженный электрошокером.

Еще один охранник – старший дежурный сидел в будке, оборудованной пультом наблюдения и расположенной у въезда в паркинг.

– Вот уж, действительно, на танке не подъедешь! – снова констатировал Шумайлов.

Вдвоем с Шурой они прошли к меньшей арке, что выводила на тихую улочку, огибающую парк.

Охранник, белобрысый крепыш средних лет, с косым шрамом через всю щеку, благожелательно кивнул Шуре, затем скользнул профессиональным взглядом по фигуре Шумайлова.

Нажатие кнопки – и калитка в воротах открылась.

– Ты знакома с этим верзилой? – поинтересовался Шумайлов, когда они оказались на тротуаре. – Обычно охранники, эти злобные церберы, редко приветствуют посторонних визитеров.

– Я дружу с Томой много лет, часто бываю у нее, значит, не такая уж и посторонняя, – дипломатично ответила Шура, явно не горя желанием переходить со своим спутником на доверительный тон. – Что касается Романа, этого охранника, то свой шрам, как мне кажется, он получил в какой-то горячей точке. Я мысленно сочувствую ему, он, видимо, ощущает это, вот и откликается добром.

– Да ты, Шурка, еще и экстрасенс! – съязвил Шумайлов. – Тогда ответь мне вот на какой вопрос...

Закончить фразу он не успел.

Шедший им навстречу по узкому тротуару молодой человек – худенький, неказистый, в каких-то нелепых очках – вдруг как-то странно засеменил, затем, уступая им дорогу, сошел на мостовую и часто-часто закивал Шуре.

– Здравствуйте, Яша! – кивнула она в ответ. – К бабушке в гости направляетесь?

– Забрать надо кое-что, – ответил тот, смущаясь и краснея, как неловкий подросток, тут же заулыбался и протиснулся мимо них к воротам.

Здесь он приложил к домофону ключ и вошел через открывшуюся калитку под арку.

– Что это за чудик?! – сощурился Шумайлов.

– Это Яша, внук бабы Кати, – пояснила она.

– Внук старой лисы?!

Шумайлов бросился к уже закрывшейся калитке, провожая взглядом тшедушную фигурку.

Продолжение волнений

– Значит, у нашей хитроумной наблюдательницы есть любимый внучок?! – вернувшись к Шура, воскликнул Шумайлов с таким выражением, словно сделал некое важное для себя открытие. – И ты его хорошо знаешь, да, Шура-проводница?

– Вы успокойтесь, Аркадий Валентинович, – ответила та, определенно пытаясь поставить собеседника в некие рамки. – Что удивительного в том, что я знаю, если не по именам, то в лицо, многих жильцов двора, как и тех, кто регулярно ходит к ним в гости? Я же объяснила: я бываю здесь часто. Очень часто.

– Так-так-так... – продолжал Шумайлов, думая, однако, о чем-то своем. – Нет, давай разберемся. Это очень интересный поворот. Да, я понимаю, что история твоих отношений с Томилой куда более длительная, чем моя. Я-то был в этом доме всего четыре раза, и всегда в твоём сопровождении. Не сомневаюсь, что до меня ты водила к Томиле других ее любовников. Может, их было много. Меня все это не колышет. Я вообще не ревнивый. Я выспрашиваю тебя сейчас совсем по другой причине. Баба Катя – источник опасности для нас с Томилой, мы об этом говорили совсем недавно, когда пили вино на лоджии. И вдруг выясняется, что ты в прекрасных отношениях с внуком этой проницательной старухи, каково!

– Я, кажется, уже просила вас не оскорблять при мне старую, больную женщину, – с ледяной вежливостью отозвалась Шура. – Такому видному мужчине, как вы, это совсем не к лицу. Что касается Яши, то никаких особых отношений у меня с ним нет!

– Но мы ведь не в деревне, где все встречные здороваются друг с другом!

Шура остановилась на тротуаре и, откинув голову, смерила своего спутника не слишком добрым взглядом:

– Послушайте, я не обязана отвечать на ваши вопросы! Да, я – ваша проводница, но вы мне – не друг и уж, тем более, не хозяин! Но все же я отвечу, чтобы раз и навсегда снять это недоразумение. Яша живет отдельно, не в этом доме, но периодически навещает бабу Катю. Очевидно, приносит ей продукты и помогает по хозяйству. Это очень стеснительный, даже робкий молодой человек, и вдобавок, похоже, одинокий. Он страдает, и мне захотелось ободрить его улыбкой. Я стала кивать ему при встречах, пару раз пыталась втянуть его в разговор, а его имя услышала случайно, когда при мне его окликнул кто-то из соседей. Несколько раз я видела его в форменной одежде, из чего заключила, то он служит в телефонной компании. Вот и вся история наших «отношений».

– Так он служит в телефонной компании!

– Я точно не знаю. Может, служит, может, служил когда-то. Я просто видела на нем форменный пиджак с эмблемой. Теперь о Томиле, чтобы расставить все точки над «и». Я согласилась быть вашей спутницей лишь по ее просьбе, о чем уже глубоко сожалею. Была ли я проводницей других ее мужчин – не ваше дело! Но я знаю точно: строить подобные предположения за спиной любимой женщины – низость! Не сомневайтесь, что наш разговор я обязательно передам Томиле. Вы удовлетворены? Допрос окончен? Тогда давайте расстанемся прямо здесь, я очень спешу!

– Да не ерпенься ты, Шурка, не строй из себя девчонку-недотрогу! – Шумайлов определенно не желал воспринимать всерьез выпады своей спутницы. – Я же не просто так спрашиваю. Не из праздного любопытства. И уж точно не для того, чтобы ущемить твою женскую гордость! Дело-то явно пахнет керосином. Я всего лишь хочу предупредить осложнения, которые могут коснуться всех нас, включая, между прочим, и тебя. Вот что, подруга: а давай-ка, мы с тобой заскочим сейчас в кафе-мороженое, и за порцией пломбира с коньяком обсудим одну версию, которая, признаться, не дает мне покоя.

– Я же вам сказала, что спешу!

– Не брыкайся! – приказным тоном оборвал он ее. – Есть конкретный разговор. Думаю, он и тебе будет интересен. Притом, что надолго я тебя не задержу, успеешь еще по своим женским делам.

Поколебавшись немного, Шура пошла с ним рядом.

Не оборачиваясь, Шумайлов сделал жест в сторону арки, под которой скрылся Яша:

– А ведь я уже видел где-то этого парня с его змеиным взглядом... Но где?!

Страхи

Несмотря на неброскую вывеску, это было дорогое кафе – с мягкими диванами, кондиционерами и соблазнительной витриной, где стояли вазочки с лакомствами, ценники на которых вмиг отпугивали обладателей тощих кошельков.

Шура бывала здесь несколько раз вместе с Томилой, всегда по ее приглашению, разумеется.

Сама она по доброй воле ни за что не зашла бы сюда.

А вот Шумайлова проблема дороговизны, похоже, не волновала.

Он заказал две порции мороженого и две рюмки коньяка, даже не заглянув в меню.

Ну, да, он ведь тоже, как и Томила, принадлежал другому миру, где счет деньгам велся совсем по другим правилам...

– Итак, я снова возвращаюсь к личности бабы Кати, – заговорил он, когда они расположились за столиком. – Меня, госпожа Шура, весьма интересует вопрос следующего свойства. Как эта вредная старушенция, видишь, идя тебе навстречу, я уже не называю ее ведьмой, поступает с разоблаченными ею изменщиками и изменщицами? Выжигает им лилию на правом плече? Мажет дверь дегтем? Обсуждает их поведение в кругу других таких же бабуль? Или же распахивает настежь окно и с высоты своего третьего этажа бичует грешников суровой проповедью? Ведь за столько лет наблюдений она, наверняка, подсмотрела чертову уйму адюльтеров. Ты, как регулярная посетительница двора, должна ведь знать хоть что-то по этому поводу?

– Да не было никаких разоблачений и скандалов! Она просто смотрит.

– А как же замечательная история с несостоявшимся ограблением богатеньких квартир?

– Но это же совсем другое!

– Не скажи! Вот, смотри, что получается. Объясняю на пальцах. Бабка, вооруженная сверхмощным биноклем, раскрывает некие семейные тайны. Как она распоряжается этой информацией? Записывает ее в тетрадь? Ведет этакий «Дневник старой девы»? Сомневаюсь! Мне кажется, наивная ты душа, что наша чудесная бабуля, не поднимая лишнего шума, шантажирует тех, кто попал ей на заметку. Приятный такой приварок к пенсии, а?

– Как вам только такое в голову могло придти! – возмутилась Шура. – Полная ерунда! Она ведь из дому почти не выходит.

– Шантажисту не обязательно выходить из дому, – усмехнулся Шумайлов. – Существуют телефоны, компьютеры, другие средства связи. А может, что, скорее всего, у нее есть надежный почтальон, так сказать, дипломатический представитель, который по ее указке улаживает все деликатные вопросы.

– В любом случае, я не намерена обсуждать эти глупости! – отрезала Шура.

К угощению она даже не притронулась.

– Значит, я не задел тебя за живое, – сокрушенно вздохнул Шумайлов. – Ладно, попробую подойти с другой стороны. Следи за моей логикой, женщина! Как ты думаешь, если есть тайна, в которую посвящены трое, то где следует искать источник утечки информации?

– Я что-то не пойму, почему вы все время говорите намеками?! – она выпрямилась в своем кресле.

– Почему? – недобро усмехнулся он. – Да по той простой причине, что вчера днем мне позвонил по домашнему телефону какой-то тип и прошипел в трубку, как удав: «Гуляеш-ш-шь, Ш-ш-шумайлов? Ну, гуляй, пока не ш-ш-шарахнул ш-ш-ш-тормяга»... И голос такой неприятный, шкворчащий, как прогорклое сало на сковородке...

Вот на этот раз Шумайлов действительно обезоружил ее! Ошеломил, огорошил, вызвал секундный паралич дыхания.

Перед внутренним взором Шуры опять промелькнуло жуткое видение: летящий топорик и злобное шипение из темноты: «Ш-ш-шурёныш-ш-ш»...

– Господи! – она непроизвольно поднесла правую руку к груди: – Что же это такое?!

– Как мне представляется, это и есть первая стадия шантажа, – уверенно заявил Шумайлов. – И занимается этим сообщник нашей наблюдательной старушки. Но кто он, этот сообщник? Сказать по правде, Шурка, поначалу я грешил на тебя...

– На меня? – не сразу поняла она.

– Ну, да. Нам с Томилой болтать нет никакого резона. У нее – важный муж, у меня – важная мама плюс жена-истеричка. Если хоть кто-то из них пронюхает про наш роман, быть большому скандалу. Очень большому! При этом я нахожусь в большей опасности, чем Тома. Ты же ее знаешь, она все равно обведет своего благоверного вокруг пальца! А вот моя милая мамочка с моей милой женушкой сожрут меня поедом и даже косточек не выплюнут! Но кто же в результате окажется в выигрыше? Согласись, дорогуща, у меня были основания считать, что это ты...

– Что – я?

– Ты – малообеспеченная женщина, одна растишь двух пацанов. У тебя масса бытовых проблем, а денег вечно не хватает, верно? И тут ты становишься обладательницей тайны двух состоятельных любовников. Так отчего бы тебе не шепнуть словечко старой карге, которая, по моему глубочайшему убеждению, давно делает гешефт на подобных интрижках?!

Шура уже взяла себя в руки. Она поднялась, темные глаза метали молнии:

– Довольно! Прощайте! Я больше не ваша проводница!

Шумайлов ухватил ее за локоть и резким движением усадил в кресло:

– Да погоди горячиться, дуреха! Дело серьезное! Извини, если я задел ненароком твое чертово самолюбие! У меня такая манера выражаться! Я все же считаю, что мы с тобой – ну, не друзья, но добрые приятели, а значит, имеем право резать друг другу в глаза правду-матку!

– Знаете, что я вам скажу? Если уж вам был такой звонок, то для начала надо было отменить сегодняшнюю встречу! Почему вы этого не сделали?!

– Рано еще ударяться в панику! – покачал головой Шумайлов. – И вообще, в нашем положении сейчас самое главное – вычислить почтальона. Ну, того, кто звонил! Конечно, можно было бы предположить, что меня пытается разыграть кто-то из моих приятелей. Но штука в том, что на этот раз я никого из них не посвящал в свою тайну. Даже не заикался о Томиле, клянусь! Затем я подумал о тебе. Но ты не вписываешься в эту схему, Шурка! Ты человек с принципами, и в этом твоя специфика. Так кто же звонил?! – На его лице появилась торжествующая улыбка. – Теперь, благодарая тебе, я понял, кто! Яша, это он, на все сто!

– Яша?! – негодуяще воскликнула Шура. – Да ведь это самый тихий, самый скромный в нашем городе молодой человек!

– Именно такие застенчивые тихони, такие пай-мальчики и находят удовлетворение в разных забавах, вроде телефонного терроризма! Тем более что этому Яше, наверняка, известны все тайны телефонной связи, и он знает, как избежать ловушки.

– Вы снова заблуждаетесь! Ну, какой же он террорист!

– Ты, Шурка, просто слишком хорошо думаешь о людях. Но я-то сразу понял по его ужимкам, по его бегающим глазкам, что это за птица! А по дороге сюда вспомнил, что видел этого тихоню возле своего дома. Он следил за мной, уверяю тебя! Узнал адрес, фамилию, затем через компьютер вызнал номер телефона... Он и сегодня встретился нам вовсе не случайно! Ладно, я устрою ему маленькую проверку, и когда он попадет в ловушку, сама убедишься, что я был прав!

– Я правильно поняла, что следующего свидания не будет? – спросила Шура.

– Я позвоню тебе на мобильник, проводница!

Шура поднялась (к коньяку и мороженому она так и не притронулась):

– Спасибо за угощение. Всего доброго, мне и вправду надо идти...

Игнорируя уже его возможные реплики, она выбралась из-за стола и направилась к выходу, стараясь не сбиваться с твердого шага.

Размышления одинокой женщины

Ка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.